

Александр Архангельский

**От пишущей машинки до трансмедиа:
медийный опыт одного поколения**

В этом выступлении будет много личного – заранее прошу прощения, но передо мной была поставлена именно такая задача: проанализировать свой собственный опыт и связать его с технологическими и общественными переменами, через которые прошло поколение в целом. А перемены эти оказались колоссальными: от ограниченного тоталитаризма 1960-1980-х через безраздельную и нищую свободу 1990-х к корпоративному государству нулевых и десятых годов 21 века. От перьевых ручек и специальных чернильниц-непроливаек на школьных партах до мультимедийных, а теперь и трансмедийных проектов. От всеобщей цензуры через полную свободу слова – к противоречивой конфигурации тяжелых компромиссов и больших возможностей для высказывания. Конечно, во второй половине 20 века и начале 21-го весь мир проходил через похожие вызовы, но, как правило, не так резко. В таком контексте факты личной и поколенческой истории приобретают новый смысл, который далеко выходит за биографические рамки.

Но начну я все-таки с личного. Я впервые приехал в объединенную Германию осенью 1991 года, чтобы стажироваться в Восточно-Европейском институте Бременского университета у профессора Вольфганга Айхведе и коллеги Хартмуте Треппер. И в первый же день произошли три важных для меня события; утром, в библиотеке Института, я столкнулся – впервые в жизни – с Арсением Рогинским, историком, диссидентом, сидельцем, сооснователем историко-правозащитного общества «Мемориал»; в начале 1980-х я читал в *тамиздате* сборники архивных материалов под названием «Память», которые Рогинский подпольно составлял в СССР и переправлял во Францию. Днем познакомился с выдающимся эмигрантом, диссидентом Львом Копелевым, который приехал в Бремен с публичной лекцией. Книги Копелева были также запрещены в СССР, но и они были уже прочитаны –

благодаря *самиздату*. А вечером я попал на спецкурс знаменитого философа Ивана Иллича (Ivan Illich), о том, как на протяжении человеческой истории менялись способы письма, а вслед за ними менялись способы мышления. Так или иначе все эти темы – тамиздат, самиздат, технологии письма и трансляции текстов – найдут себе место в моем выступлении.

Итак. Я родился в 1962 году, на окраине Москвы. Дом был деревянный, старый. В доме не было центрального отопления, теплого туалета и тем более ванной, доходы у семьи были ниже среднего, но при этом имелась вполне современная радио- и телевизионная техника. Во-первых, у нас был стационарный проводной радиоприемник, с тремя программами государственного радио. Во-вторых, был еще один радиоприемник, транзисторный – больше метра в длину; он позволял ловить иностранные станции и слушать музыкальные пластинки. Был также черно-белый телевизор с крохотным экраном, перед которым стояла увеличивающая изображение линза. А еще в доме (поскольку мама работала машинисткой) имелась пишущая машинка, произведенная в 1913 году, с перепаянными клавишами.

О чем это говорит? О том, что несмотря на всю тотальность советской системы, как минимум начиная с 1960-х годов *источники получения и трансляции информации в СССР были разными*. Все три программы советского радио и обе программы телевидения транслировали одну и ту же политическую точку зрения. Однако третья программа радио (она называлась «Маяк») была скорее развлекательной; там звучала иностранная музыка, разумеется, не Биттлз, но хотя бы польская эстрада или чешский певец Карел Гот. По первой программе передавали отличные детские радиоспектакли, и с литературными героями, и научно-популярные. То же было и с телевидением. Разумеется, главное место в сетке телевидения отводилось ежедневной итоговой программе «Время» (которая до сих пор выходит в России, в то же самое эфирное время, в 21 час, что символично); дрожа от волнения, дикторы сообщали нам об очередном заседании политбюро, битве

за урожай или трудовом подвиге советских рабочих. Но уже в 1960-м начали выходить по воскресеньям программы «Здоровье» и «Клуб кинопутешественников», первая из которых ставила быт выше политики, а вторая открывала окно, пусть иллюзорное, в мир. С 1961 года – в эфире программа КВН, в которой студенты соревновались в остроумии; шутки были вполне невинные, но все-таки иногда относительно вольные. С 1966 года и вплоть до обострения ситуации в Польше в 1980 году на советском ТВ выходила сатирическая программа «Кабачок 13 стульев», построенная на материалах польских скетчей. А в Польше со свободой слова всегда было чуть лучше, чем в остальных странах советского блока.

Что же до детей, то начиная с 1963 года перед программой «Время» каждый вечер показывали детскую программу, «Спокойной ночи, малыши». За все годы советской власти она не вышла в эфир лишь однажды, 19 августа 1991 года, в первый день антигорбачевского путча, когда по всем каналам показывали «Лебединое озеро». В то время, о котором я сейчас говорю, «Спокойной ночи, малыши» была веселой и безыдейной программой, в ней про подвиги говорили мало, а про зверей, детей и игры – много. Это уже в новое, послеперестроечное время были предприняты попытки насытить «Спокойной ночи, малыши» глубоким религиозным содержанием: кукольный поросенок Хрюша рассказывал детям о Кирилло-Белозерском монастыре и беседовал с батюшкой об основах христианской жизни, но то отдельная история.

Еще больше возможностей предоставляли транзистор, проигрыватель виниловых пластинок и машинка. Напомню, что первый советский транзисторный переносной радиоприемник появился в 1957 году и был назван в честь Фестиваля молодежи и студентов – «Фестиваль»; в 1959-м начался выпуск стационарных транзисторов минского радиозавода. Здесь, на коротких волнах, можно было не только ловить настоящую западную музыку (тут уже были и Битлз, и Би Джиз, и Ролинг-Стоунз и все-все-все), но и слушать сквозь свистящие помехи радио Свобода из Мюнхена, Голос

Америки из Вашингтона, BBC из Лондона. С другой повесткой дня, другой информационной платформой и другой идеологией. Тоже пропагандистски окрашенной, но – другой.

Что касается музыки, то проигрыватель, встроенный в радиоприемник «Минск», позволял не только слушать пластинки официальной фабрики «Мелодия»; уже с конца 1950-х в Москве возле «Политехнического музея» действовал черный рынок, на котором продавали так называемые «пленки на костях», или, по другому, «пластинки на ребрах»: самодельные аудиозаписи на рентгеновских снимках. Так, минуя цензуру, обычный советский человек (подчеркиваю, не диссидент, не высоколобый интеллекуал, а именно лояльный обыватель, какой была моя мама и до поры до времени – я сам), в 1960-х мог слушать запрещенную к официальному употреблению музыку. От репатрианта Вертинского до советско-румынского шансонье Петра Лещенко, и от раннего Булата Окуджавы до Глена Миллера. Оставался один технологический шаг до появления первого общедоступного магнитофона, чтобы монополия коммунистического государства в области аудиокультуры рухнула окончательно. Произойдет это в 1969 году, когда в продажу будет выпущен магнитофон «Днепр». Элиты, от дипломатических до художественных, получили доступ ко всему этому еще раньше, благодаря поездкам на Запад и комиссионным магазинам. С видеокulturой все обстояло не так хорошо: первые бытовые видеомангнитофоны в СССР появятся в 1974 году, но будут так дороги (2 000 рублей, при средней зарплате в 150), что монополия на видео у государства сохранится до начала перестройки.

Теперь маленькая ода пишущей машинке. Напомню, что печатные машинки были запатентованы еще в 1867 году; в 1873-м они были запущены в производство оружейной компанией Ремингтон, и с тех пор их устройство принципиально не изменилось. От позднего Толстого, который завел в Ясной Поляне отдельную «ремингтонную комнату», и до раннего Владимира Сорокина – все писатели в России пользовались этими машинками. Но, опять

же, начиная с 1960-х машинки все активнее применялись для перепечатки неподцензурных текстов. *Не только и подчас даже не столько политических, но вообще любых, не вписывавшихся в официальную доктрину,* - что мне кажется принципиально важным. От стихов Мандельштама, Цветаевой, Пастернака, Бродского до богослужебных книг и эзотерики. А в 1970-е на пишущих машинках массово перепечатывали доклады странноватого ученого Владимира Ажажи об уфологии. И рецепты народной медицины. Мы до сих пор недооцениваем размах альтернативной информации, самого разного уровня и качества, которая функционировала в СССР. И, повторю снова и снова, в этот процесс были вовлечены как немногочисленные оппоненты власти, строя, идеологии, так и большинство лояльного городского населения.

Кстати, когда я в 2014 году делал биографический документальный фильм к 120-летию Никиты Сергеевича Хрущева, то брал интервью у его (ныне уже покойных) детей, Рады и Сергея, и был потрясен некоторыми деталями. Например, после отставки у опального Первого секретаря тоже появился свой транзисторный приемник, по которому он слушал западные радиостанции. На магнитофон «Днепр» Хрущев надиктовывал свои мемуары, машинопись правил, а перебеленную рукопись при помощи сына Сергея в конце концов переснял на фото пленку и переправил на Запад. То есть даже бывший генсек проделал полный путь от самиздата к тамиздату, с помощью транзистора, машинки и магнитофона. Интересная деталь: издатель не мог поверить, что рукопись действительно принадлежит Хрущеву, что это не фальшивка. И потребовал прислать фотографию Никиты Сергеевича в кожаной ковбойской шляпе; это должно было послужить шифрованным подтверждением его авторства. Хрущев согласился. Отпечаток этой фотографии хранится в американской части семейного архива Хрущевых.

Разумеется, в 1960-е я не знал и знать не мог, насколько тесно технологические возможности, массово распространившиеся с начала 1960-х,

были связаны со скрытыми сдвигами в устройстве подпольной и легальной интеллектуальной жизни позднесоветской империи, начиная с XX съезда и вплоть до «пражской весны». Позвольте мне здесь не останавливаться на той роли, которую пишущая машинка, транзистор с короткими волнами, магнитофон, а начиная с 1974 года и ксерокс, сыграли в истории оппозиционного движения; я уверен, что вы это и без меня хорошо знаете – лишь процитирую общеизвестные строки Александра Галича «Машинка Эрика берет 4 копии; / 4 копии, и этого достаточно». Я лишь сошлюсь на крайне важный для меня многолетний проект, который только что приобрел окончательную форму: с декабря 2016 года записанные и смонтированные нами видеомонологи участников диссидентского движения доступны на просветительском ресурсе «Арзамас»: <http://arzamas.academy/materials/1209>. Но вот о той роли, которую нарастающий доступ к альтернативному знанию, не только политическому, но и философскому, религиозному, историческому сыграл в жизни *формально лояльных* советских интеллектуалов – я несколько слов скажу. И, как мне было велено, свяжу это со своей собственной работой.

В 2009 году я снимал для телеканала «Культура» 8-серийный документальный фильм «Отдел» – о том, как, каким образом в позднем Советском Союзе могла заново родиться живая философская традиция. Именно заново родиться – поскольку в отличие от филологии или даже истории, свободная философия была не просто подвергнута репрессиям, но уничтожалась на корню, системно. Начиная с 1922 года, когда в эмиграцию выслали большую группу гуманитариев (в русской традиции эта высылка называется «философским пароходом», хотя выслали не только на пароходах) и заканчивая разгромом младомарксистов школы Лукача в начале 1940-х. Собирая интервью с непосредственными свидетелями и участниками событий, я с изумлением узнавал детали, которые не вписываются в стандартное представление о советской истории. Но полностью совпадают со сквозным тезисом этой части моего выступления: опыт интеллектуальной,

да и просто информационной жизни в позднем СССР был гораздо сложнее, глубже и интереснее, чем кажется.

Мы собирали материал о том, как в 1947-49 годах, на возобновившем свою работу философском факультете МГУ, случайным образом сложился круг молодых мыслителей, от будущего крупнейшего российского социолога Юрия Левады до философа Мераба Мамардашвили, публициста Юрия Карякина, индолога и философского писателя Александра Пятигорского, формального логика Александра Зиновьева, методолога Георгия Щедровицкого. (Кстати, в МГУ тогда учился Горбачев и они общались с Левадой и Мамардашвили.) После окончания Университета они начали создавать островки относительной интеллектуальной свободы в самых неожиданных местах. Сегодня трудно в это поверить, но Борис Грушин в массовой и – казалось бы – пропагандистской – газете «Комсомольская правда» основал первый в СССР независимый социологический институт, изучавший общественное мнение. Георгий Щедровицкий вводил основы методологии – то в институте художественного воспитания, то вообще в Спорткомитете СССР, выстраивая методологию тренировок на основе своих чисто философских концептов. Мераб Мамардашвили, тот же Грушин, Юрий Карякин работали в пражской редакции журнала международного коммунистического движения «Проблемы мира и социализма», где читали и обсуждали работы представителей франкфуртской школы, общались с левыми западными режиссерами, писателями, социологами, мыслителями. Позже, в 1968 году, Мамардашвили побывает в Париже, своими глазами увидит студенческую революцию, встретится и пообщается с Гербертом Маркузе – и все это не разрывая с советской системой, но существуя как бы на ее обочине, в особом анклаве.

Позже, в первые послехрущевские годы, в Москве откроется сеть научных институтов, интеллектуально обслуживающих власть, и внутри этих институтов будет предоставлена возможность читать что угодно, писать что угодно, говорить о чем угодно – но только в закрытом режиме. Главный из

этих анклавов – Институт международного рабочего движения (ИМРД); в нем найдут себе место многие из тех, кто поступил в МГУ в 1947-49 годах, а потом работал в Праге. Между прочим, Юрий Карякин, который в конце 1960-х из ИМРД перейдет работать в главную партийную газету страны «Правда», будет прятать в личном сейфе своего главного редактора машинопись романа Солженицына «В круге первом». Сюжет, который кажется немыслимым, но так – было.

Разумеется, все это было бы невозможно, если бы не политические покровители в партийном аппарате; один из них – заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС, впоследствии помощник Горбачева, Анатолий Черняев. (Он 1921 года рождения, до сих пор работает в Горбачев-фонде). Черняев курировал и «Проблемы мира и социализма», и ИМРД, и многие другие институции; а возвращаясь после работы домой, включал транзистор, садился за пишущую машинку и писал дневник. Не так давно дневник был издан («Совместный исход: Дневник двух эпох. 1972 – 1991 годы». М.: РОСПЭН, 2010). О чем же мы читаем в записях большого советского начальника, покровителя лояльных интеллектуалов? Вот только одна цитата – все из нее станет ясно.

1975 год. «...мне приснился сон. ...Парк. ...Весенний майский день. Много народу. Ждут. Я стою на платформе с краю. Появляется Брежнев. ...вдруг Брежнев вынимает член, большой, полунапряженный, и начинает ссать. Не под себя, а в толпу. И как-то так получилось, что близко бывшие от него расступились, и струя направлена на меня. ... я не знаю, что мне делать. Все на меня смотрят. Я колеблюсь – ловко ли, не оскорбительно ли для него уклониться от его брызг. Я все-таки пытаюсь отстраниться... Провал. Брежнев исчезает куда-то в сторону кортов. И в этот момент начинается страшная сумятица. Все в панике бросаются к ограде, перед нею крутой обрыв, за ним – канава, потом уже улица, по которой мчатся машины. ...Визжат дети, женщины растрепанные мечутся среди упавших. ...Вой сирен.»

Это не антиутопия, не тамиздат, не подпольный роман; это дневник коммунистического аппаратчика. До начала перестройки остается еще 10 лет.

Был и другой мощный, важный, интеллектуально энергичный слой, не связанный напрямую ни с политизированным диссидентским кругом, ни с привилегированными социофилософами, но не менее обособленный от официальной идеологии и во многом противостоявший ей. Не политически, а именно идейно. Этот слой я в 2010 году попытался исследовать в другом документальном проекте, 4-серийном телевизионном фильме «Жара». Тут в центре внимания – религиозные искания позднесоветских интеллектуалов. Предпринятая ими попытка выхода за пределы тотальной системы без формального разрыва с ней.

Опять же, обобщенная картина выглядит достаточно просто: СССР был страной победившего атеизма, никакой религиозной мысли в легальном поле не было и быть не могло. На самом деле и здесь все сложнее. Даже в позднесталинские годы мы находим иные примеры публичных высказываний. Вот цитата из недавно (2015) опубликованного собрания архивных материалов Союза писателей СССР; выступая на 10 пленуме Союза в мае 1945 года армянский литератор Хорен Аджемян открыто вступает за религиозную веру и говорит «...одним из коренных пороков фашизма, за который ему так туго пришлось – было его разнузданное отношение к религии. Фашизм – отрицание христианства, травля католической церкви и т. д. ...*(С места: Совершенно непристойно.)*». А годом ранее, в 1944-м, тот же Аджемян на знаменитом совещании историков в ЦК ВКП(б) осудил революционеров, прославил царских генералов, а Пугачеву дал такую характеристику: «их победа способна была поставить под удар секиры политическую мощь России, могла широко открыть ворота перед иноземными захватчиками <...> при победе Пугачева Россия поверглась бы в пучину кровавого одичания». Многие присутствующие были потрясены и, по замечанию участника, «не верили своим ушам и глазам» //

Юрганов А. Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011. С. 290.

Разумеется, когда началась борьба с космополитами, Ходжемян ее горячо поддержал; он был не враг советской власти, а потенциальный шовинист, но речь сейчас о другом. О том, что монолитного, незыблемого господства идеологии не было уже и здесь; параллельно с тем, как нарастали возможности получения, переработки и трансляции альтернативного информационного потока, нарастал и опыт альтернативных жизненных и интеллектуальных практик.

Всего лишь один пример.

В 1963 году в философскую редакцию издательства «Большая советская энциклопедия» пришли работать молодые редакторы, выпускники философского и филологического факультетов, Юрий Попов, Рената Гальцева и другие. У них, в отличие от философов круга «Проблем мира и социализма» и ИМРД, не было никаких покровителей в ЦК. Они сами, на свой страх и риск, поменяли словник в Философской энциклопедии, привлекли молодого (1937 г. р.), невероятно одаренного античника и медиевиста Сергея Аверинцева и стали создавать одну за другой целый ряд статей, которые, казалось бы, не имели шансов пройти цензуру. Названия (подчеркиваю, это 1963-1971 гг., время, когда поздний Хрущев кричит на Вознесенского и Аксенова, потом воцаряется Брежнев, отправляют в лагерь Синявского и Даниэля...) говорят сами за себя. «Обращение», «Новый завет», «Христианство» и тому подобные. Главному редактору, обманывая его бдительность, отправляют верстки, исчищенные редактором до такого состояния, что их невозможно прочесть; начальство верит, что в тексты внесена идейная правка. Когда же ключевая для всей «Философской энциклопедии» статья «Христианство» упирается в цензурные барьеры, редакторы просят директора Института атеизма Курочкина написать небольшой финальный фрагмент, подклеивают его к огромной работе Аверинцева; начальство, обнаружив подпись Курочкина, решает, что все в

порядке и выпускает статью в печать. Или другой пример. Рената Гальцева пишет энциклопедическую статью о погибшем в лагере священнике-философе Флоренском, критикуя его не с марксистских, а с богословских позиций. Один из наследников Флоренского тут же пишет донос в ЦК: у вас засели белогвардейские элементы. Редакция просит философа Алексея Лосева прикрыть статью – и он в своей рецензии советует похвалить Флоренского за вклад в техническую мысль и интерес к водорослям...

В 1971 году на обсуждении в Академии наук было предложено запретить 5 том Философской энциклопедии, а саму энциклопедию считать как бы небывшей – и приступить к работе над ее новым, полностью переработанным изданием. Но было поздно; она уже поступила в библиотеки, статьи из нее перепечатывали, передавали из рук в руки, чуть позже начнут ксерокопировать, и так далее. Заинтересовавшись, начинали слушать западное радио, проповеди и заметки отца Александра Шмемана на “Свободе”, беседы выдающегося митрополита Антония Сурожского (Блума) на BBC. Ровно в это же время начинает свою миссионерскую деятельность отец Александр Мень, и его тамиздатские (выходившие под псевдонимом в Брюсселе) книги расходятся в тысячах ксерокопий и машинописных перепечаток, их читают по западному радио.

Так в 1960-1970-е годы расшатывался незыблемый фундамент советской идеологии. Со стороны сравнительно немногочисленных диссидентов – политически, со стороны левых умеренно-лояльных интеллектуалов – концептуально, со стороны интеллигентов, начавших религиозные поиски – духовно. Были и альтернативные научные школы – как раз в 1962 году Юрий Лотман печатает в сборнике Тартуского университета свою поворотную статью о теме милости в «Капитанской дочке» Пушкина; постепенно начинает формироваться московско-тартуская семиотическая школа. Возникли так называемые «передовые учителя», которым система давала чуть больше воли, чем другим; из этих сравнительно независимых педагогических практик к началу перестройки возникло такое

мощное гуманистическое явление, как «педагогика сотрудничества», манифест которой был принят 1986 году и заложил основы постсоветской школы – вариативной, личностной, делающей ставку на деятельность, а не на абстрактное знание. Были и гораздо более закрытые, почти подпольные движения в культуре 1960-1970х годов, одно из них – оккультное, эзотерическое, о которых собирала материал и писала моя коллега Биргит Менцель. Были и другие направления неофициальных поисков. **Массового политического сопротивления в СССР не было, но массовый уход за пределы советского дискурса – был.**

Я не собираюсь изображать поздний СССР в розовых красках. Это была мертвая и вполне бесчеловечная система. С карательной психиатрией, лагерями, тотальным оглушением народа, унижением свободной личности, самодовольной номенклатурой, всеобщей цензурой и нежизнеспособной экономикой. Причем после 1968-го, а точнее – 1972 года, система становилась все более жесткой и все менее эффективной; даже третья «корзина» Хельсинского акта 1975 года, в которой зафиксировано признание прав человека, мало что в этом смысле изменила. И те примеры относительного автономного существования интеллектуалов, которые я приводил, относятся в основном к периоду 1966-1972 годов. После 1972-го легальные анклавы гуманитарной мысли были (за исключением, может быть, Тарту) разгромлены; институт общественного мнения в «Комсомольской правде» закрыт, в «Проблемах мира и социализма» воцарилась скука, так что Борис Грушин, который снова уехал в Прагу, не имея возможности изучать общественное мнение, все свободное время посвящал составлению путеводителя по пражским пивным (издан по-чешски в 1985 году). Началась массовая эмиграция, с 1980-го – все более массовые посадки, в том числе религиозных мыслителей. Глушилки стали более сильными.

Но. Работа, начавшаяся на рубеже 1950-1960-х годов даром не прошла. Она дала свои плоды. Прежде всего, развил такую нехорошую, но для мирного выхода из тоталитаризма необходимую вещь, как двоемыслие. «Два

пишем, три в уме» - этой распространенной в то время формулой описывается многое. По-другому выжить в тотальной системе, которая при этом позволяет мыслить не в унисон с доктриной, невозможно.

В результате всех этих процессов я и многие мои коллеги в поколении – были сформированы как люди деятельного двоемыслия. Звучит не очень лестно, но что делать. С одной стороны, я уже в школе начал сам перепечатывать и переплетать самиздатские книги, с другой, уже с 8 класса подрабатывал репортажами на советском радио. Деньги, заработанные подцензурными репортажами, тратил на покупку ксерокопированных подпольных книг. Чуть позже, работая в редакции «Вопросов философии», научился делать ксерокопии и сам; ксерокопировальные машины, стоявшие в советских учреждениях, полагалось держать за дверями, обитыми железом; на них имелись счетчики отксеренных страниц. Но за три рубля ответственный сотрудник давал тебе ключ от железной двери, ловко скручивал счетчик и оставлял тебя наедине с той книгой, которую ты хотел скопировать. С тамиздатской «Философией истории» Бердяева, или с Солженицыным в издании ИМКА-Пресс, или с финским карманным изданием «Доктора Живаго», или с «Собачьим сердцем» Булгакова, или с книгами по богословию, тем же отцом Павлом Флоренским.

Ночью я слушал владыку Антония на ВВС, а утром шел в редакцию радиопередачи «Пионерская зорька», выполнял редакционное задание и отсылал эфирную папку в другое здание Гостелерадио, где сидел официальный цензор. Ничего подлого, ничего полезного. И так было в легальной журналистской сфере 1980-х повсеместно.

В день, когда хоронили старого генсека Черненко, нас собрали в кабинете главного редактора и мы прослушали речь молодого генсека Горбачева; услышав его слова о том, что «мы будем бороться с пустозвонством и чванством», главный редактор, которая заняла свой кабинет в 1953 году, еще до смерти Сталина, прошептала: «Товарищи, это конец». Правда, поначалу ничего не изменилось. 9 мая 1985 года из

концерта, посвященного Дню победы, цензор вырезал фронтовую песню Клавдии Шульженко, поскольку там были слова «давай же выпьем, товарищ, по одной» и это противоречило горбачевской политике борьбы с пьянством. Спустя неделю из передачи, посвященной Пушкину, выкинули одно из самых значимых его стихотворений «19 октября 1825 года», потому что это стихотворный тост, то есть пропаганда алкоголизма. Затем под цензурный каток попал сборник стихотворений русских поэтов начала 19 века, который мы с моим коллегой составили для издательства «Художественная литература»; это эпоха, когда в поэзии работало много разночинцев, читай, алкоголиков, и часто биографическая справка завершалась горькой констатацией: «умер от пьянства». Все упоминания о причинах смерти были, разумеется, устранены. Все умерли от смерти. И никаких подробностей.

Но в ноябре 1986 года в газете «Правда», той самой, в сейфе главного редактора которой Юрий Карякин прятал солженицынскую рукопись, появилась редакционная, выражающая мнение руководства партии, статья – «К 80-летию со дня рождения Л.И. Брежнева». — ~~Правда. 19.12.1986.~~ «В последние годы жизни и деятельности Л.—И. Брежнева получили распространение необъективные оценки достигнутого... Наметился разрыв между словом и делом. Не хватало целеустремленности, решимости в практических действиях» — ~~(Правда. 19.12.1986^[1]).~~ По существу, именно она окончательно обозначила реальный переход к политике перестройки, первым робким шагом к которой стала публикация подборки стихотворений Н.—С. Гумилева в «Огоньке» в апреле того же 1986 года¹.

~~Возвращаясь~~ При этом ни редакция «Огонька», ни редакция «Правды» не планировали, что у их публикаций будут политические следствия; более того, не было никакой согласованной политической линии, вопреки тому, что тогда подумало большинство сторонних наблюдателей. Цитирую дневники того же А.—С. Чернышева: «С опозданием (члены П[олит]Б[юро] уже

¹ Историю публикацию см.: ~~Енишерлов В.~~ Возвращение Николая Гумилева. 1986 год // Наше наследие. 2003. №№ 67–68.

проголосовали «за») попала мне на стол верстка статьи «Л.-И. Брежнев. К 80-летию со дня рождения». Я ахнул. Вызвал стенографистку и продиктовал ей свое возмущенное заключение, позвонил в приемную и попросил немедленно передать Горбачеву. Вечером он прочел и (...) велел передать замечания другому помощнику, Лушикову, который курировал эту статью. Тот недовольно дал мне понять, что я лезу не в свое дело» (Черняев, 703).

Как бы то ни было, именно с этого момента началась другая медийная жизнь, освободившая нас от двоемыслия. Две части нашей жизни, профессиональная и гражданская, та, которая была сформирована культурой транзистора и печатной машинки, и та, которая была сформирована печальной политической реальностью соединились. Начался процесс, об участии в котором я вспоминаю с благодарностью; процесс солидарного сопротивления институтам несвободы. Мне повезло; я оказался в эпицентре не только медийных, но и политических событий, переквалифицировавшись в литературного критика и перейдя работать в редакцию толстого литературного журнала «Дружба народов».

Нужно понимать, что середина 1980-х – 1990-е это время девальвированной легитимности; на писателей и журналистов, в целом на статусных представителей интеллигенции все смотрели как на общественную силу, свободную от обязательств перед коммунистической системы. Именно на съездах писателей в национальных республиках формировалась новая региональная элита; украинское писательское сообщество «Рух» играло колоссальную политическую роль в Киеве, первым президентом независимой Эстонии стал переводчик Ленарт Мери, первым президентом Грузии – переводчик и сын классика грузинской литературы Звиад Гамсахурдиа, первым президентом Абхазии, которая вышла из состава Грузии – переводчик Владислав Ардзинба, в перестроечной России огромную роль играл крупный специалист по древнерусской литературе, академик Дмитрий Лихачев. Президентом молодой Киргизии был академик Акаев. Даже один из лидеров чеченского сопротивления Яндарбиев был в это

время писателем; в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга его стихов под трогательным названием «Сажайте люди, деревца».

Шаг за шагом цензура отступала; в 1990 году был юридически ликвидирован Главлит, в конце августа 1991 было открыто московское представительство радио Свобода (я регулярно выступал в рубрике «Писатели у микрофона»), потом появилось московское бюро ВВС, учредились на основе Закона о печати независимые СМИ, гражданам разрешили ввозить для частного пользования ксероксы, и печатная машинка, транзисторный приемник, музыкальный проигрыватель навсегда утратили свои социально-политические функции. Произошло то, о чем говорит в своей блистательной книге социолог и антрополог Алексей Сторчак «Это было навсегда, пока не кончилось». Многим тогда показалось, что достигнута цель, стоявшая перед поколением; что теперь осуществляются все профессиональные мечты; на самом деле всего лишь завершились проблемы одной эпохи и начались другие.

Слишком многие в начале 1990-х не поняли, что поменялся не только строй, но и основы профессии; больше не будет привычных границ между жанрами, стилями, родами деятельности, форматами, требования конвергенции может относиться не только к политике и экономике, но и к литературе, к журналистике, к самому присутствию в медиапространстве. И технологии будут играть в этих процессах особую роль. Если от появления машинки до создания транзистора проходило почти столетие, от выпуска транзистора до магнитофона – десять лет, то теперь перемены будут нарастать год от года. И на все придется творчески реагировать – или выбывать из процесса.

Так, мы точно знаем, когда и почему телевидение заняло свое имперское, господствующее место в системе медиа; произошло это именно в 1962 году, когда Кеннеди вынес в прямой телевизионный эфир сюжет Карибского кризиса, и, визуализируя политику, во многом переиграл Хрущева. Тот, как человек прежней эпохи, делал ставку на радио и телеграф

– и в самый разгар Карибского кризиса это его подвело. Не все знают, что ответ советского правительства на американский ультиматум, от чего напрямую зависела судьба планеты, по неизвестным причинам не был получен американской стороной. То ли на московском телеграфе не проверили клеммы, то ли лондонское отделение Western Union подвело, но в СССР исходили из того, что ответ дан, а в Вашингтоне – из того, что нет. Когда в Кремле узнали, что телеграмма адресатом не получена, время уже истекало, американцы готовы были дать приказ о высадке войск на Кубе; прямой телефонной связи между Кремлем и Белым домом тогда еще не было, и Хрущев решил передать послание под видом радиообращения – это был кратчайший путь. Текст на радио повез лично член политбюро Полянский, но лифт в радиокomiteе застрял между этажами, а поскольку это был выходной, ни одного ремонтника в здании не было. Пришлось вскрывать пакет, скручивать страницы в трубочки и по одной странице просовывать через отверстия в двери лифта.

Так делалась история в эпоху радио; телевидение, захватив власть, переверстало мировую повестку дня, поменяло стилистику террора и войн (они должны были стать зрелищными), одно из самых захватывающих и страшных телевизионных шоу всех времен – спланированное под телетрансляцию CNN начало американской операции «Буря в пустыне», 1990 год. Но в 1999 году монолитный мир, созданный эпохой телевидения, рухнул; как это часто бывает, открытие, которое переменяло все устройство информационных потоков, было совершено практически случайно, «методом тыка»: американский студент Бред Фицпатрик уехал на один или два модуля в другой университет, и, чтобы не писать каждому родственнику и знакомому письма, соединил два принципа, сайт и электронную почту. Так родился Живой журнал, LJ, и потеряло актуальность привычное деление на аудиторию, потребляющую информацию, и редакцию, поставляющую контент; все стали в одно и то же время и ее поставщиками, и ее

потребителями, информация из вертикальной структуры стала горизонтальным явлением.

Из этого следовало несколько важных выводов, которые не все готовы были сделать.

Во-первых, что необходимо не только придумывать новые идеи, но и управлять ими, быть их контент-менеджерами. Скажем, российские литературные журналы в середине 1990-х совершили мощный прорыв, выйдя в открытое пространство Интернета практически одновременно с Amazon.com: в 1996 году был создан электронный журнальный зал, в котором читатели могут свободно читать свежие номера (www.magazines.ru). Но какой рыночный путь проделал за это время Амазон, и где сегодня российский журнальный зал? Да и сами толстые литературные журналы, в одном из которых я когда-то работал? С тиражей, достигавших 2 с лишним миллионов экземпляров, они опустились до 2-3 тысяч, и дело не только в стагнации рынка печатной прессы, но и в профессиональной болезни российского интеллектуала, неумении и нежелании управлять своими прорывными идеями.

Во-вторых, что больше не будет радиожурналистов, телевизионщиков, газетчиков, да и сама журналистика как автономный род деятельности исчезает, уступая место мультимедийным форматам и универсальным навыкам. Чтобы остаться в профессии, нужно уметь все и быть готовым мгновенно поменять технологическую платформу, на которой ты работаешь. Скажем, я был заместителем главного редактора газеты «Известия» в 2001-2004 годах; это было серьезное издание, но больше нет ни той газеты (есть ее жалкое подобие), ни самого мироустройства, в котором бумажная газета играла статусную роль. Сейчас мы выпускаем на телевидении программу «Тем временем», и делаем это уже 15 лет, но нужно быть готовыми к тому, что такого типа программы могут в любой момент уйти в прошлое. На факультете медиа, коммуникаций и дизайна Высшей школы экономики, где я руковожу магистерской программой, мы шаг за шагом отказываемся от

специализации журналистика, зато учим студентов и делать репортажи, и выпускать реальные цифровые книги, и придумывать и реализовывать проекты образовательных онлайн-ресурсов, и делать мультимедийные путеводители для музея Льва Толстого, и видеопродукции для Третьяковской галереи. Сам я записываю видеоуроки для школы, делаю учебники по литературе, пишу книги, как художественные, так и нон-фикшн, готовлю анимированные издания классики для школьников – и так далее. И все это – в широком смысле – медиапространство, требующее универсальных компетенций.

В таком же – примерно – положении находятся не только медийщики, но и многие представители традиционных культурных институтов; например, библиотекари, причем во всем мире. Мы в 2004-2011 годах делали цикл документальных фильмов «Фабрики памяти» о библиотеках мира (всего вышла 21 программа). И видели, как смена технологического устройства, последовательная дигитализация, при сохранении «бумажного» контента меняют стоящие перед библиотеками задачи; те из них, которые не пересмотрят взгляд на библиотеку как на хранилище книг, и только, и не станут местами встречи *по поводу книги*, и не только книги, не впишутся в будущее. Как минимум, речь о публичных библиотеках.

В-третьих, что вместе с Советским Союзом мы навсегда покинули пределы информационной эпохи и вступили в эпоху коммуникативную, когда общение по поводу знания становится важнее самого знания. Для моих студентов вообще не существует время до социальных сетей; их культурный герой – Павел Дуров, либертианец, создавший сеть «ВКонтакте» и вынужденный продать ее под давлением силовиков; сейчас он создал мессенджер «Телеграмм», которым пользуется все большее число людей в России. И самыми популярными проектами для младшего поколения будут не телевизионные, а интернет-образовательные ресурсы. Если раньше меня во время поездок в российские регионы узнавали благодаря телевизору, то теперь гораздо чаще – благодаря видеолекциям, записанным для проекта

«Арзамас». А об истории русской революции студенты охотней узнают из сетевого проекта «1917», который делает команда журналиста Михаила Зыгаря: это стилизованный под социальную сеть портал, в котором ежедневно обновляется информация; реальные цитаты из писем, публикаций, выступлений самых разных людей 1917 года, от Маяковского до крестьянина Вологодской губернии превращаются в посты, которые выглядят, как сетевая реакция на происходящее здесь и сейчас, мы комментируем высказывания 1917 года как если бы они были написаны и размещены в сети нашими современниками.

В-четвертых, в новую эпоху поменялась социальная роль технологий трансляции; если в начале моей жизни эти технологии **всегда** служили прогрессу и расширяли зону свободы в несвободном обществе, то теперь они вполне способны служить противоположным целям консервации и охранительства, и зачастую, чем они современнее, тем реакционнее продвигаемые с их помощью идеи. Доказательством чего служат талантливо придуманные выставки, которые проводит из года в год в московском манеже архимандрит (с 2015 г. – епископ) Тихон Шевкунов. Здесь все насыщено и даже перенасыщено мультимедийными форматами, каждый кадр движется, текст соединяется со звуком, ребенок получает объемный образ прошлого, а взрослый – пропуск в странный, яркий и неоднозначный мир. Но это мультимедийное наполнение выставок – всего лишь движущаяся периферия, а в центре незыблемое идеологическое ядро, однозначный концепт: Россия создана монархией, ее главные союзники армия и флот, ее герои – Николай Первый и Александр Третий, ее антигерои – декабристы, которых финансировали из-за рубежа и так далее. Технологии, которые когда-то выводили наше гражданское сознание из плена идеологических стереотипов, сегодня вводят его в жесткие мифологические рамки.

В пятых, и это самое неприятное, оказалось, что среди наших современников – огромное количество людей, которые не просто готовы, но хотят, жадуют, требуют, чтобы их избавили от разнородной информации, от

политической конкуренции, от сложной картины мира, в которой нет однозначных решений, нет единственного, оно же правильное мнение. То есть от всего того, что они же, их старшие братья и сестры, их родители так ценили в монолитную советскую эпоху. Разнородности, многофакторности. Не только политическая воля власти, но этот вполне реальный массовый запрос управляет сегодня «большим» российским телевидением. И делать вид, что этого нет, что это лишь диктат элит – нечестно.

Начал с личного воспоминания, личным воспоминанием и закончу. О том, как следующее поколение представляет наше технологическое прошлое. Как-то мы выговаривали средней дочери, которая тогда училась классе в 5 или 6-м, за то, что она не позвонила и не предупредила, что задерживается. «Вот, - сказали мы, - в нашем детстве не было мобильных телефонов, а мы родителей всегда предупреждали».

Конечно! – ответила дочь. – Вам было проще. У вас были гонцы.